

Наталья Филимонова

16+

Нога судьбы,

или Истории, рассказанные
за чашечкой кофе

Наталья Филимонова

**Нога судьбы, или Истории,
рассказанные за чашечкой кофе**

«Автор»

2017

Филимонова Н.

Нога судьбы, или Истории, рассказанные за чашечкой кофе /
Н. Филимонова — «Автор», 2017

Знаете, как непросто выйти замуж, если ты - Баба Яга? А мне, между прочим, до бабы еще далеко! И счастья хочется простого, человеческого. И проклятие со своего рода снять. Может, я и не писаная красавица, но внешность у меня незабываемая, это уж точно! И характер легкий. Разве что стулом сгоряча по темечку заеду и сразу все прощу. И чего все эти мужики разбегаются, как тараканы? Это все судьба моя несчастливая и фамильное проклятие. Не верите? Сейчас я вам все расскажу. Устраивайтесь поудобнее. И обязательно налейте себе чашечку какао! Или кофе. Налили? Тогда слушайте. Первое, что вам следует знать: я точно знала, что это - моя судьба...

© Филимонова Н., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Долгожданная встреча	5
История первая, кулинарная	13
История вторая, кладбищенская. Очень страшная	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наталья Филимонова

Нога судьбы, или Истории, рассказанные за чашечкой кофе

Долгожданная встреча

Будильник ворвался в утренние грезы крайне недовольным петушиным криком. Я со стоном перевернулась и уткнулась в подушку. К петушиным крикам у меня вообще наследственное предубеждение. Память рода, знаете ли, ну и личные дурные ассоциации. Сразу представляются всякие там крестьяне с вилами... Наверное, потому-то петушиные крики, как самое безотказное средство, я и поставила когда-то на САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ БУДИЛЬНИК – тот, что звонит после всех пятнадцати остальных, когда я и впрямь уже всерьез куда-то опаздываю...

Стоп! Петухи? Опаздываю?!

Я подняла голову и посмотрела на стол у кровати. Он был уставлен разнообразными и разномастными будильниками – механическими, электронными, цифровыми, парочка особо древних по старой памяти даже стояла в кастрюлях для убедительности, рядом еще валялся телефон и стоял раскрытый ноут – оба тоже с заведенными на несколько повторов будильниками. Но главное сейчас было не это. Главное заключалось в том, что все они показывали страшную истину.

Твои ж мухоморы!

Я торопливо попыталась вскочить, запуталась в одеяле ногами и привычно ухнула на пол, растопырив локти, смахнула попутно пару будильников со стола и окончательно проснулась где-то за одно мгновение перед тем, как нос должен был встретиться с полом. Впрочем, за это мгновение я успела еще истошно завизжать и выставить вперед ладонь, уберегая тем самым нос. В сущности, этот нос все еще дорог мне. Как-никак, фамильное достояние.

Синяки, леший их задери, опять завтра буду как тигра, нет, как леопард, да и бес с ней, с этой экзотической фауной, я же опаздываю!

Снова вскочив и энергично заозиравшись, я обнаружила наряд, сброшенный вчера прямо на пол возле кровати. Что поделаешь, особенным аккуратизмом я никогда не страдала, зато у меня есть другие достоинства. Например, я умею собираться практически со скоростью света. Погладить юбку уже точно не успею, ну и ладно, будем считать, что это юбка с жатым эффектом. Не так уж это далеко от истины. В итоге у меня практически все оказывается с жатым эффектом. Теперь найти свежую майку, желателно не сильно жатую. И умыться. И поскоблить зубы щеткой. Так, и что там у нас с лицом, кстати?

Всегда непросто оказываться между двух огней. С одной стороны, поезд придет минут через двадцать, а мне еще бежать до вокзала. И если я их не встречу, Юлька точно мне голову оторвет. И в целом будет права. В конце концов, мы сто лет не виделись, надо совесть иметь.

С другой стороны, если я буду выглядеть, как пугало, голову мне оторвет Алиска.

Положим, неземной красотой я и в самом деле никогда не отличалась. Зато во мне есть бездна обаяния. Ну и харизма тоже, куда без нее. Во всяком случае, увидев однажды, вы меня точно никогда не забудете, это я вам гарантирую.

Первое, что вы сказали бы обо мне, – это, пожалуй, нос. Да, нос у меня выдающийся, между прочим, фамильный. Крючком он, к счастью, пока не загнулся, как у моей бабки Ягны, но, в общем, тоже ничего, нормальный такой себе длинный нос. Мои многочисленные тетушки

считают, что сую я его всюду не по делу, но я могла бы то же самое сказать и об их собственных носах.

Впрочем, мы отвлеклись. Помимо носа, у меня есть, например, глаза. Очень даже большие и выразительные. Слегка, правда, косят, но если только я сильно задумаюсь. Иногда еще и по делу косят, но это большая тайна.

А еще волосы. Длинные и рыжие. Моя тетка Ядвига утверждает, что на самом деле это помесь стога сена с вороньим гнездом, но тут уж мне ничего не поделать. Пробовала я когда-то разные модные стрижки и должна сказать, что дело это совершенно безнадежное. Волосы у меня непослушные, их даже в хвост завязать не так-то просто. И вообще они живут своей собственной жизнью, не слишком со мной советуясь. А если их стричь, начинают расти с такой скоростью, что спасайся кто может. Подобие стрижки держится на моей голове примерно дня два, потом воронье гнездо возвращается – и уж поверьте, это очень недовольное воронье гнездо! Причем, пока волосы не отрастут хотя бы до плеч, торчат они вообще, куда им заблагорассудится – по всем сторонам света, хотя преимущественно гордо в небо. Словом, во имя сохранения собственного драгоценного душевного здоровья и ради сбережения нервных клеток окружающих свои волосы я обыкновенно не стригу.

Вообще-то я считаю, что у меня довольно удачная внешность. Мне с совершенно равным успехом можно дать на вид и 20 лет, и 30 – по настроению. Так что мне приходится менять документы не чаще раза в десятилетие.

Росту я довольно высокого. Сейчас, правда, спасибо акселерации, я уже не чувствую себя такой уж колокольней, да и мужчины нет-нет да встречаются ростом повыше меня. Раньше с этим совсем тяжело было. Хотя, к примеру, над теми же Юлькой и Алисой я все равно возвышаюсь, как башня. Чрезвычайно рыжая и конопатая башня.

Зато у меня никогда не было проблем с лишним весом. Я всегда была очень худой и могла при этом есть сколько влезет. Могу вообще одними шоколадными пирожными питаться – и ничего мне за это не будет. И завидуйте молча!

А вот изящной меня, увы, все-таки не назовешь. Во-первых, при всей худобе у меня есть огромные ладони и ступни неженственного 41-го размера. А во-вторых, еще во мне есть локти и колени, и мне все время кажется, что их чуть больше, чем у нормальных людей. Или даже значительно больше. Так или иначе, двигаюсь я с грацией не очень крупного жирафа, всюду цепляясь конечностями и вечно что-то роняя. И если где-нибудь есть хоть малейшая возможность влететь в угол, споткнуться, не вписаться в поворот – будьте покойны, я непременно все это исполню в самом лучшем виде.

Собственно, кажется, я все еще не представилась? Что ж, к вашим услугам – Ярослава Ягелева, потомственная Баба Яга в тринадцатом поколении.

На самом деле вовсе еще никакая не баба. Если уж начистоту, то не совсем даже Яга. Можете звать меня Славка – так меня все называют.

Натянув длинную широкую юбку до пят и какую-то майку, я для проформы потыкала в глаз тушью для ресниц и провела по губам помадой. Задумчиво посмотрела на расческу. Нет, расчесываться – это точно надолго. Глянула в зеркало. Авось, сойдет. По большому счету, Алиска все равно моим видом никогда еще не оставалась довольна. Совсем как моя тетушка Ядвига. Ну и ладно, зато я по ней соскучилась. По Алиске, в смысле. И Юльке. По ним обеим.

Трудно, когда твои лучшие подруги – сущие ведьмы.

Я пожалала перед зеркалом плечами, махнула рукой, сунула ноги в сабо на деревянных подошвах, схватила сумку и помчалась по лестнице вниз, с размаху захлопнув за собой дверь.

*

К вокзалу я неслась на всех парах, выпучив глаза и размахивая руками. С учетом развевающейся длинной юбки и всклокоченных волос, а также грохота деревянных подошв по асфальту, впечатление я, полагаю, производила изрядное и издалека. Во всяком случае, отно-

нительно редкие по случаю раннего времени прохожие предпочитали убираться с моего пути подобру-поздорову. Это они правильно, я считаю. Слегка притормозила только у перекрестка: человек на светофоре был подлым и красным и желал, очевидно, смерти моей. Впрочем, оглянувшись влево, я убедилась, что ближайшая машина еще достаточно далеко. Успею.

Вообще-то, как правило, я уважительно отношусь к ПДД. Ну или слишком ценю свою драгоценную шкуру. Но в данном случае мне было не до реверансов, я слишком спешила. Так что, плюнув на светофор (хм, зря я это, сломается же, а мне через этот переход ходить еще), я помчалась дальше. На середине дороги обернулась вправо. Маршрутка чуть близковато, но, если поднажать, вполне проскочу. Вперед!

Мотоциклист выскочил из-за маршрутки, как чертик из коробочки, в тот момент, когда дорогу я уже практически перебежала. Оставалось-то не больше метра. Сделав последний отчаянный рывок, я все-таки успела. Почти успела. Резко вильнув влево, чтобы обогнуть меня, мотоциклист подрезал маршрутку. Раздался противный визг тормозов. Я же, уходя из-под колес, рванула вперед так отчаянно, что запуталась ногами в собственной юбке, эффектно отлетела к обочине и страстно поцеловала бордюр. Мда, кажется, коллекция синяков на сегодня все еще недостаточно полна. Ссскотина неповоротливая! Что ему стоило ехать помедленней! И вообще, кажется, справа не обгоняют, так что сам дурак и нарушитель! Или это слева не обгоняют? Неважно. Об этом я думала, уже резво отползая на тротуар на четвереньках. Синяки синяками, но валяться на проезжей части – неудачная идея. Блин, и почему я не надела джинсы, в них гораздо удобнее ползать! И потом, они-то все равно уже драные, а вот любимая зеленая юбка до сих пор была целой. Хоть и с жатым эффектом.

Тем временем мотоциклист резко вывернул к тротуару и остановился. Рядом из замершей маршрутки уже выбирался свирепый, багровый от ярости водитель. Из салона за его спиной кто-то кричал что-то возмущенное и не очень цензурное. Интересно, он сейчас станет убивать меня или мотоциклиста?

А хотя нет, совсем неинтересно. Я, пожалуй, совершенно точно обойдусь без этого знания. Да.

Так, варианты дальнейшего развития событий – или мой несостоявшийся убийца романтично везет меня в больницу, или вызывает бравых мальчиков из ГИБДД и сдает им меня как нарушительницу. И вот тогда-то я уж точно опоздаю. Причем в обоих случаях.

Кстати, грандиозный скандал, кажется, тоже неизбежен при любом варианте.

– Вы в порядке? – Какая-то женщина протягивала мне руку, за которую я машинально схватилась, чтобы подняться. Однако внимание мое тем временем было приковано к тощей и долговязой, смутно знакомой отчего-то фигуре мотоциклиста, поспешно сдиравшего с себя шлем. Едва увидев темные, помявшиеся под шлемом волосы, я мигом догадалась, что дело плохо. Только на мгновение наши глаза встретились, и его взгляд вспыхнул яростью. Обвиняющее «Вы!» я скорее прочла по губам. Возразить на это было, прямо скажем, нечего. Действительно, я. Впрочем, вступать с ним в дискуссии у меня не было ни малейшего желания. Потому что я тоже его узнала. Вот уж кого не ожидала встретить в этом городе!

И еще я точно поняла: уж этот-то не станет заботливо предлагать помощь и везти в больницу. Через пять минут здесь будет полиция, и он, конечно, не затруднится написать на меня заявление... ну или что там полагается...

Словом, я в одно мгновение забыла о синяках и ушибах. Пострадавшей девой побуду как-нибудь в другой раз. И я на спринтерской скорости рванула, расталкивая столпившихся у светофора пешеходов, прочь.

– Спасибо! Извините! – это я крикнула сердобольной женщине, помогшей мне подняться, уже на бегу и не оборачиваясь.

– Извини, чувак... не судьба, – а это бормотала уже себе под нос, не рассчитывая, что мой недоубийца (или недоубитый?) меня услышит.

Надеюсь, его-то толпа хоть немного задержит. Все равно ему еще с гаишниками разбираться.

К вокзалу прискакала почти вовремя. Девчонки еще даже не начали мне звонить. Они топтались на перроне и озирались по сторонам, явно высматривая меня. Обернулись ко мне – грохот деревянных подошв сложно было не услышать – одновременно, и одновременно же одинаково расширились их глаза. Ну да, не каждый день дорогая, несколько лет не виденная подружка несется на тебя бешеным танком, с безумными вращающимися глазами, развевающимися волосами, да еще и в грязной и ободранной одежде. Впрочем, лично мне на тот момент было уже совершенно безразлично, на что я похожа. Во-первых, у меня стресс и мне простиительно, решила я, а во-вторых, как же я рада их видеть!

– Привееееет! – завопила я и, подлетев к подругам на всех парах, разом сгребла в объятия обеих.

– Привет-привет, – засмеялась Юлька, не менее эмоционально меня обнимая.

Алиса через секунду с легким вздохом отстранилась, критически осмотрела меня и приподняла изящнейшую тонкую бровь, как могла это делать только она.

– Как всегда, эффектно появляешься, – усмехнулась она, смахивая со своего умопомрачительного костюма невидимую миру соринку. – На тебя что, напали бандиты?

– А, ерунда, – я махнула рукой. – Небольшая авария на дороге, угодила под мотоцикл...

Обе мои подруги как-то разом напряглись и замерли.

– Так ты... – осторожно начала Юлька.

– Нет-нет, – сообразив, о чем она, я замотала головой. – Все живы. И я жива. И даже не умирала. В общем, все в порядке, у меня все еще есть шансы.

– Ну и отлично, – Алиса, разом расслабившись, заулыбалась. – Тогда пойдем в комнату для девочек, приведем тебя... в человеческий вид.

«Человеческий вид» по меркам моих подруг – это, я вам скажу, нечто. Прежде всего, когда я выходила из дамской комнаты, моя одежда была, разумеется, вновь чистой и целехонькой. Собственно, мои юбку и майку девчонки вообще забраковали, так что пришлось переодеться в коротенький сарафанчик. Откуда я его взяла? Ну... вообще-то из шкафа в своей квартире. А вот как – мой маленький секрет, о котором подруги, конечно, отлично знают.

Вдобавок исчезли все синяки и ссадины – и даже темные тени под глазами, как будто я только что хорошенько выспалась и никакие будильники мой сон не прерывали. И заодно успела сбегать в спа-салон и салон красоты. Ну и пообщаться со стилистом-имиджмейкером. Мои волосы в кои-то веки не торчали во все стороны, а лежали благообразными волнами и локонами и поблескивали на солнце. Легкий макияж и кое-какие аксессуары, подходящие к моему наряду, довершили образ. Алиса не особенно одобряет мой, как она говорит, «хипповый» стиль, зато отлично подбирает к нему всякие побрякушки, вроде сережек, бус и браслетов, которые появляются по щелчку ее пальцев. Не то чтобы я стала в одночасье гламурной дивой, но, думается, в таком виде подружкам было уже не стыдно ходить со мной под руку.

В принципе, в нашей компании «прилично» выглядит только Алиска. Ой, как обманчива бывает внешность, скажу я вам. Кстати, вообще-то подружек моих зовут Жюли и Арису, и обе терпеть не могут, когда я коверкаю их имена на русский лад.

Жюли, самая старшая из нас, французская ведьма, давно разменявшая седьмую сотню лет, выглядела, как девчонка, едва вышедшая из подросткового возраста. Впрочем, весьма и чрезвычайно хорошо сложенная девчонка, и скрывать это было не в ее обычае. Она любила эпатировать публику, и двадцать первый век дал ей для этого массу возможностей. Сейчас на дорогой подружке красовались коротенькие узкие шортики, едва прикрывавшие зад, и коротенькая же свободная футболка с глубоким вырезом-лодочкой, приоткрывавшая животик с пирсингом, да еще и непрерывно съезжавшая с одного плеча. Весь этот наряд был призван

скорее продемонстрировать, чем скрыть хоть что-то. Но главной отличительной особенностью Жюли сейчас, конечно, были волосы, коротко остриженные, выкрашенные в интенсивно-сиреневый цвет и уложенные в живописном беспорядке. От природы яркая белокожая блондинка, она ухитрялась отлично смотреться даже с таким цветом волос. По правому плечу и левой лодыжке Жюли змеились татуировки из рунических надписей.

При всей столь неординарной внешности Жюли вовсе не стремилась к излишнему мужскому вниманию – оно ей вовсе было не нужно, поскольку она давным-давно безнадежно и счастливо замужем. Просто ей комфортно выглядеть именно так. Она у нас натура творческая.

Что до Арису, она всегда умела производить впечатление истинной великосветской леди – конечно, когда ей хотелось производить такое впечатление. Хрупкая изящная японка с гладкими, стриженными под каре темными волосами и безмятежно-спокойным выражением лица, она не была такой эффектной и броской, как Жюли, но отвести от нее взгляд было не так-то просто. Она двигалась с какой-то неуловимой грацией, ее голос был негромким и мелодичным, а одевалась она с потрясающей элегантностью. Сейчас на ней был легкий бежевый брючный костюм – и, как обычно, он смотрелся на Арису так, словно она только что сошла с картинки в модном журнале. И если я неизменно ухитрялась помять и заляпать любую одежду, едва надев, то на нарядах моей подруги каким-то непостижимым образом никогда не образовывалось ни единой складочки, не оседало ни одной пылинки. При всем этом всегда безукоризненная японка меняла спутников и поклонников, как перчатки, ежедневно разбивая от двух до десятка сердец.

К слову, на ногах у Арису были босоножки на бесконечных шпильках, Юлька щеголяла сандалиями на нечеловечески огромных платформах, но я все равно изрядно возвышалась над ними обеими. Ну и ладно, привыкать мне, что ли.

– Сколько у нас времени? – деловито спросила я.

– Достаточно, – хмыкнула Алиска, – наш поезд – практически ночью, так что успеем и погулять, и посидеть, и потрепаться от души.

Жюли и Арису затеяли кругосветное путешествие, да еще без всяких там мгновенных перемещений и прочих штук, исключительно на человеческих видах транспорта – поезда, корабли, самолеты. «Для экзотики и чтобы в самом деле расслабиться», – говорили они. Собственно, они звали с собой и меня, но я слишком ленива, чтобы оформлять все нужные документы для таких путешествий. То есть я с ними собиралась даже, просто не успела с загранпаспортом – как оказалось, это нереально сложная процедура. Как же непросто, оказывается, путешествовать, как все люди! Конечно, девчата обиделись и расстроились, ну да что уж теперь.

В маленьком курортном городке, где я живу в последние лет десять, девчонки пересаживались с одного поезда на другой. И мы решили воспользоваться этой пересадкой, чтобы хотя бы встретиться и пообщаться. Мы на самом деле очень давно не виделись толком. Так уж вышло, я нечасто в последнее время появляюсь среди своих, да и Юлька со своими семейными делами вечно занята. Но иногда надо просто отдохнуть от всего на свете.

– Тогда для начала – экскурсия по городу, а потом засядем в каком-нибудь кафе на набережной, – предложила я.

– Отличный план! – девчонки, переглянувшись, с двух сторон взяли меня под локти.

...До кафе мы добрались, когда солнце давно перевалило за середину неба и уверенно клонилось уже к его краю. Благословенный городок Солнцеморск, где я жила, несмотря на свое название, не имел выхода к морю – до морского пляжа от него было около часа на машине – зато славился своими минеральными источниками. Весь город растянулся узкой длинной полосой, зажатой между невысокими здесь, пологими горами и рекой Оненкой. На левом берегу Оненки, через которую перекинулись в разных частях города три моста, располагались много-

численные санатории, пансионаты и базы отдыха. По правому берегу тянулась городская набережная, которую мы втроем прошли почти из конца в конец, не забыв по дороге попить воды из источников (на вкус и запах – исключительная гадость, скажу я вам), закупить сувениров и даже подняться ненадолго на подъемнике в горы, чтобы посмотреть на дольмены и полазать по гротам и лестницам в скалах. Даже не помню, в какой момент босоножки на ногах всех троих, включая меня, сменились летними кроссовками.

Всю дорогу девчонки развлекали меня историями – Жюли рассказывала о своей семье, Арису – о бесчисленных поклонниках и своих путешествиях. Глядя на Юльку, вряд ли кто-то бы подумал, что у нее могут быть дети, но... внешность, как сказано, штука обманчивая, а у моей французской подружки целый выводок разновозрастных дочерей. Одна из них как раз недавно прошла большой обряд, и о ее успехах Жюли рассказывала с нескрываемой гордостью. И, конечно же, она никогда не упускала случая похвастаться своим обожаемым супругом. Что касается Арису, то обзаведение потомством, равно как и мужем, не входило в ее планы на ближайшие пару столетий точно. Зато она могла рассказать множество историй о своих авантюрах и приключениях, к которым всегда отличалась склонностью.

Что до меня, то я все больше предпочитала помалкивать. Пройдя едва ли не весь город из конца в конец, мы наконец сели на маршрутку в обратную сторону – ведь уезжать девчонкам надо было с того же вокзала. К тому же я знала у вокзала очень даже симпатичную кафешку, единственным недостатком которой была так называемая живая музыка в исполнении какого-то местного дарования. Впрочем, иногда там просто включали какие-то записи – довольно приличные – и я надеялась, что нам на этот раз повезет.

В конечном счете, усталые и голодные – разве можно считать едой несколько порций мороженого, съеденного на ходу? – мы трое попросту попадали на стулья вокруг деревянного столика в том самом кафе.

– Ну, – Арису, закинув ногу на ногу и откинувшись на стуле, перелистывала меню, – теперь, наконец, рассказывай.

Обращалась она явно ко мне.

– О чем? – наморщив нос, я тоже листала страницы, делая мучительный выбор между зеленым чаем и пивом. День стоял жаркий, и пить хотелось невыносимо.

– О, обо всем.

– Где тебя так приложило и *quelle putain de bite*¹ ты полезла под машину? – уточнила Жюли.

– Под мотоцикл, – поправила я. – Это был мотоцикл.

– Неважно. Хотя и это тоже, – Арису не поднимала глаза от меню. – И о главном. Насколько я понимаю, замуж ты так и не вышла. А значит, твоя идея-фикс все еще в силе. Рассказывай, как успехи и почему ты вообще перестала появляться у нас.

Я вздохнула. Легко ей говорить – идея-фикс! Ну да, всякий с удовольствием поиздевается и похихикает над девицей, которой так уж не терпится выйти замуж, да еще чуть ли не за кого угодно. Во всяком случае, именно так это выглядит со стороны. Но... знаете что? А что, если от этого... да от этого все зависит! И не только твое собственное счастье, нет. А счастье целого рода! Дело ведь не только во мне, дело во всех Ягелевых. Только выйдя замуж, я смогу наконец... А, сейчас это не так уж важно, все равно успехи мои пока невелики, прямо скажем. Хотя...

В общем, можете сколько угодно считать меня инфантильной или даже просто ударенной на всю голову. Но на самом деле все это, по сути, побочные эффекты от моего фамильного

¹ Жюли порой ругается, как сапожник, однако предпочитает делать это на своем родном языке. *Quelle putain de bite* (фр.) – какого... (далее непереводимая игра слов).

проклятия, от которого я пытаюсь избавиться всю свою жизнь, и вот-вот – уверена! – достигну в этом успеха.

А про то, почему я не появляюсь – в двух словах и не расскажешь, пожалуй.

– Один фирменный горячий салат, сырная тарелка, один «Цезарь» с курицей и один – с креветками, – быстро перечислила Арису подошедшему официанту. Юлька только хмыкнула: наша подруга-японка любила решать за всех. Впрочем, ей неизменно удавалось угадывать чьи угодно вкусы и предпочтения, так что никто обычно не возражал. – Меню не уносите пока, с десертом определимся позже. И, пожалуй...

– И пива! – пискнула я, но подруга не удостоила меня даже взглядом.

– И три кофе, пожалуйста, два эспрессо и один латте, – невозмутимо закончила она.

– А пиво? – переспросил официант.

– Не стоит.

Я только обиженно засопела. И ведь главное, ну почему ее все слушаются? Кофе... я представила себе аромат жареных кофейных зерен и сглотнула. Вот как ей это удается, а?

...а латте наверняка для Юльки, она у нас сладкоежка известная.

Я сделала глубокий вдох.

– Мои родственницы. Я решила, что мне стоит пару столетий с ними не видаться.

Обе мои собеседницы одновременно поперхнулись и закашлялись. Я поспешила продолжить, торопясь, сбиваясь и проглатывая окончания слов.

– Я хочу попробовать быть нормальной. Ну, как все. Обычной женщиной. Я стараюсь не пользоваться... ничем таким. Необычным. Волшебным. Ну почти не пользоваться. Работаю на обычной работе, переводчиком. Образование вот получила, по-настоящему, на лекции ходила, сдавала по-честному экзамены и все такое. Даже настоящий мобильный телефон завела. Моя семья, они... Ну ясно же, что они все что-то неправильно делают, делали до сих пор. Раз за все это время ни у одной ничего не вышло, верно? Я не хочу быть, как они. И у меня почти получается! Да вообще никто не захочет жениться на Бабе Яге! А мне обязательно надо выйти замуж, ну вы же знаете...

Жюли смотрела на меня расширенными глазами. Что до Арису, японка отвела взгляд в сторону и опустила куда-то под ноги, как будто ее очень заинтересовало что-то на полу кафе. Я бросила взгляд в том же направлении. Ничего там не было.

– Значит, стать обычной. И что же навело тебя на такую... экстравагантную мысль? – сухо спросила Арису.

– Ну... – я запнулась. Да разве так сразу объяснишь? Я ведь годами к этому шла, и так много раз что-то такое случалось...

Каждый раз, когда я влюбляюсь, мне кажется, что сама судьба привела меня за руку к этой встрече, чтобы наконец наградить за терпение и все шишки, что я безропотно собирала на свою голову до сих пор. Каждый раз... а потом выясняется, что никакая это была не рука судьбы. В лучшем случае – нога. Судьба просто преподнесла мне очередной урок, потоптавшись на любимой мозоли. И сколько их уж было, этих уроков...

Хотя последней каплей, наверное, стала та самая история... или она была предпоследней? Или... да, в общем, какая разница? Их ведь десятки, этих историй. И каждая стала какой-то там каплей и что-то значила. Вот даже, например... Да хоть бы и эта.

– Нет, – прервала мои размышления Жюли. – Я не поняла. Ты что, хочешь сказать, что практически не пользуешься даром? А как ты тогда живешь вообще?

– Вот так и живу. Как все. Ты понимаешь, как только я делаю... что-нибудь этакое... в общем, оно всегда все только портит.

– Да как дар может что-то испортить? – подруга пожала плечами.

– Ладно. В общем, слушайте. Например. Самое главное, что вам стоит понять: я совершенно точно знала, что это – моя судьба. Я тогда училась, кажется, на третьем курсе в универе. А влюбилась я практически сразу...

История первая, кулинарная

Учиться я отправилась в областной центр, но сразу в общагу меня не взяли. В общаге не хватало, как всегда, мест, хотя сначала мне все обещали, что, возможно, ко второму курсу до меня черед все-таки дойдет. Так или иначе, при учебе на дневном отделении я не могла нормально работать, а жить где-то все же надо было. Поэтому я подрабатывала, где придется, а тем временем снимала комнату в квартире с хозяйкой. Мест в общежитии все не было, к третьему курсу я решила, что пора бы обрести какую-то самостоятельность – и нашла себе комнату в коммуналке.

Коммуналка оказалась огромна, запущена и полна тараканов. Зато моя комната была просторной и светлой, а дом, в котором она располагалась, стоял всего в нескольких кварталах от моей альма-матер, то есть практически в центре города. Цена же при этом была такой, как будто я снимаю вовсе конуру где-то на окраине. Как мне объяснил по секрету «хозяин», которому я платила деньги, все дело было в том, что никакой он не хозяин, а всего лишь представитель фирмы, которой принадлежало здание, уже много лет предназначавшееся под снос. Каким-то немыслимым образом дом, давным-давно по документам расселенный, не только был полон жильцов-арендаторов вроде меня, но и вмещал в себя небольшой продуктовый магазинчик на первом этаже.

Впрочем, все это не имеет большого значения. А значение имеет только тот невероятный факт, что в соседней со мной комнате, буквально через стенку от меня, обитал он. Володя. Так что было совершенно очевидно, что это просто судьба.

Влюбилась я практически сразу – как только пришла посмотреть квартиру. Не в квартиру, разумеется, влюбилась. В Володю.

Дело было как. Когда я позвонила по объявлению, агент по недвижимости долго эту коммуналку вообще не хотел мне показывать и предлагал другие, совершенно замечательные, на его взгляд, варианты, как раз для меня. А эту вам, говорит, смотреть не стоит. «Не женская», мол, эта квартира. Это он меня не знал потому что. Мне когда говорят что-то очень загадочное, например, «не женская квартира», мне тотчас же и немедленно становится это надо. Ну потому что интересно же, как же так. Может, там все каналы по телеку только футбол показывают? Или пивопровод проведен в комнаты? Хотя нет, тогда б цена была другая. Словом, я буквально заставила отвести-таки меня в этот дом – вместо «чистенькой и уютненькой комнаты с приличной хозяйкой и стиральной машиной».

Так вот, оказалось, что «не женская квартира» – это когда, допустим, в квартиру заходишь и сразу остро хочется, например, надеть респиратор. По коридору плывут густые черные клубы дыма, а из клубов надсадно кто-то кашляет и матерится. А респиратора у тебя тем временем таки нет, и это печаль и большая грусть, но что делать. И ты отважно шагаешь прямо в эти клубы. Следуешь исключительно на голос риелтора, который уверенно шествует куда-то во мрак, поясняя по дороге, что в свободную ныне комнату можно пройти как раз через кухню, и вот там-то мы сейчас и узнаем, произошел пожар, началась война и газовая атака или просто кто-то из жильцов, например, картошечку жарит.

Более верным оказалось последнее предположение. Неизвестно, правда, была ли это в самом деле именно картошечка, я бы на нее не поставила хотя бы потому, что в черном дыме отчетливо ощущался изысканный оттенок аромата горячей крышки и еще немного – прогорклого сала. Впрочем, на тот момент уже не имело большого значения, каким должно было быть это блюдо в замысле автора, потому что теперь его печальные останки (блюда, конечно, не автора) уже дымились в мусорном ведре, а сам кулинар с ожесточенным лицом скреб над раковиной металлической мочалкой исходящую паром огромную чугунную сковородку. Вокруг

собрались сопереживающие и сочувствующие – очевидно, соседи, которые подбадривали кулинара в этом нелегком деле ласковыми репликами вроде «поджигатель хренов» и «дебил недоделанный». Особенно усердствовала в изобретении цветистых метафор необъятная тетенька средних лет в пестром халате – из тех тетенок, что в каждой очереди оказываются неизменно первыми, а в каждой коммуналке – главными.

Виновник торжества не поднимал глаз от злополучной сковородки и на лестные комментарии не реагировал. А посему увидела я только уныло понурившуюся спину в линиялой футболке, светло-русые короткие волосы, а также тощие ноги в драных по краю джинсовых шортах по колено и резиновых тапках.

Впрочем, рассмотреть кого бы то ни было особенно внимательно мне все равно не позволили. Агент по недвижимости, решительно схватив меня за локоть, уверенно устремился через кухню к новому коридору, где дыма было уже не так много, зато обнаружилось две двери, одну из которых риелтор тотчас открыл своим ключом и гордо распахнул передо мной.

– Вот! – гордо возгласил он, нисколько, кажется, не сомневаясь в том, что я должна немедленно упасть в обморок, и повел рукой вокруг себя. – Я же вам говорил!

Ну что сказать. В общем-то, комната была как комната, и даже довольно большая и светлая. Переизбытка мебели в ней также не имелось: узкая казарменная кровать с продавленным матрасом и без покрывала, одинокий венский стул, в углу – старый советский шкаф модели «гроб трехстворчатый», а у окна – обшарпанный деревянный стол. Круглый. Скатерти на столе не наблюдалось, зато наблюдался здоровенный дымчато-серый гладкошерстный кот, определенно беспородный, но вполне упитанный и гладкий. Кот развалился на столе явно с полным осознанием своего права здесь находиться, так что усомниться в этом самом праве никому не пришло бы и в голову.

Ах да, еще из мебели наличествовала большая пустая кастрюля, стоявшая отчего-то на полу у входной двери. Я машинально наклонилась и подняла кастрюлю. Из-под кастрюли неторопливо вышел и направился куда-то в сторону стола крупный рыжий таракан. И я могла бы поклясться по его телодвижениям, что он был крайне мною недоволен.

– Вот! – как-то даже торжествуя повторил агент. Похоже, на его взгляд, таракан должен был стать самым неоспоримым аргументом в пользу его правоты относительно «неженственности» квартиры.

Я в задумчивости прошлась по комнате, выглянула в окно. В целом ничего ужасающего или катастрофического с моей точки зрения я пока в этой квартире не видела и даже испытывала в связи с этим некоторое разочарование. Уж с тараканами-то я справлюсь! А недостаток мебели – это, на мой взгляд, скорее достоинство: терпеть не могу захламленных помещений. Остановившись у стола, рассеянно почесала кота за ухом. Кот посмотрела на меня снисходительно.

– Это Паша, – счел необходимым пояснить агент. – Коммунальный кот.

В этот момент дверь слегка приоткрылась, и в нее заглянул... судя по линиялой футболке с надписью «No pasapan» и джинсовым шортам, давешний поджигатель. Уже без сковородки.

Юноша оказался печален и худ до неимоверности. Хотелось смотреть в его влажные глаза, гладить мягкие русые волосы и кормить, кормить...

Наверное, оттого-то я как-то сразу и догадалась, что это моя судьба.

– Здравствуйте! – дверь открылась пошире, и обладатель вихрастой прически и печальных глаз нерешительно в нее заглянул. – А вы новая соседка?

– Может быть, – я заинтересованно его разглядывала.

– А Витя здесь ничего не оставил, да? – он обвел взглядом комнату, отдельно остановившись на коте и кастрюле, и разочарованно вздохнул, опустив плечи. – Ясно... все-таки спер мою энциклопедию. Вот вечно так. На неделю, на неделю... А стоит уехать к родителям на пару дней, возвращаешься – и ни соседа тебе, ни энциклопедии.

– Зато у вас теперь есть соседка, – жизнерадостно утешила его я. Для себя я уже все решила к этому моменту, и оставалось только уладить кое-какие формальности. Так что я обернулась к агенту и сообщила, – готова оплатить задаток и подписать договор.

Агент был ошарашен донельзя, ведь он был уверен, что напрасно теряет время со мной, показывая эту квартиру. А пока он поспешно, чтобы я не успела передумать, извлекал из портфеля какие-то бумаги, мой новый сосед, снова тяжело вздохнув, развернулся и собрался уходить. Но напоследок все-таки обернулся.

– Вы, если что, заходите. Соль там или еще что понадобится... Я Володя, через стенку от вас живу. Я в меде учусь, а вы?

– Ага, – радостно кивнула я. – А я на истфаке. Я Славка. И за энциклопедиями я тоже уже знаю, куда обращаться. Ну и... за жареной картошкой... или что это должно было быть?

– Уже неважно, – мрачно мотнул головой Володя. – Кстати... – он наконец глянул на меня заинтересованно, – а вы готовить случайно не умеете?

– А то! – я уже подписывала, не глядя, договор аренды, расторопно подsunутый под руку агентом.

– Так это же здорово! Понимаете, я тут к родителям на выходные съездил. А они мне нагрузили... картошки всякой, курицу еще целую... лучше б консервов дали.

– То есть ты приглашаешь меня на ужин с готовкой? – я решила, что со своим братом-студентом можно уже переходить на «ты».

– Да! – поспешно закивал он. – Если ты эту курицу... если сможешь ее приготовить, я тебе... да я...

– Отлично! Вот и договорились.

*

Вот так и вышло, что уже после обеда того же дня я осталась в окружении частично разобранных коробок и сумок в своей новой комнате один на один с полуразмороженной сырой курицей, и нельзя сказать, чтобы мы с ней так уж друг другу симпатизировали. Помимо нее, мне досталось еще ведро картошки и полведра лука, щедро пожертвованных володиными родителями на нужды голодающего студенчества. И из всего этого богатства мне предстояло сотворить королевский романтический ужин на двоих. Ну, это я сразу решила, что он будет романтическим.

Пожив когда-то, еще в период вступительных экзаменов, в общежитии, я знала, что это нормально. Ребята собирали продукты вскладчину, а иногда бывало и вот так. Кто-то привозит из дома еду... а кто-то просто умеет готовить. Правда, была тут одна маленькая проблемка, но я решила, что уж с этим-то что-нибудь да придумаю.

Собственно, проблема заключалась в том, что готовить я... нет, ну не то чтобы вот совсем не умею. Кое-что я могу. Яичницу там могу пожарить. Глазунью. Еще... яйцо сварить. Так уж сложилось, что матушке моей до моего воспитания никогда не было никакого дела, у нее своя отдельная жизнь, так что растила меня бабуля. И она куда больше внимания в моем обучении уделяла приготовлению зелий и мазей, чем борща. С готовкой у меня как-то не задавалось, и бабуля Ягна предпочитала не рисковать продуктами. Собственно, первые двести с лишним лет своей жизни я вообще почти не покидала пределов родного леса. Конечно, я уже довольно давно живу самостоятельно, и к родным пенатам приезжаю не так и часто, но... так уж сложились обстоятельства. Домашнее хозяйство никогда не было моей сильной стороной. И потом, попросту лень готовить для себя одной. Поэтому обычно я покупаю полуфабрикаты и разогреваю их, или делаю что-нибудь предельно примитивное. Могу, опять же, сварить яйцо или там картошку. А помидор так сгрызть. Я в целом зверушка неприхотливая.

Но сейчас я понимала, что просто сварить курицу – совершенно не вариант. Нет, ну может быть, оголодавший Володя, второй день страдающий над сырой курицей и ведром картошки, вовсе и не расстроился бы. Было совершенно ясно – его кулинарные таланты таковы,

что рядом с ними даже мой гастрономический примитивизм несколько меркнет. Под большим секретом он признался мне, что на прошлой неделе пытался сварить макароны, и результат оказался более чем прискорбен. Раньше Володя жил в своей комнате вместе с сокурсником, худо-бедно умевшим готовить, но недавно тот покинул друга, чтобы поселиться вдвоем с девушкой. И теперь несчастный будущий медик жил впроголодь, несмотря на обильные передачи от хозяйственных родителей.

И все-таки хотелось удивить и поразить. Все слышали, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, да? Путь к сердцу студента уж точно. Так вот, я считаю, что, если уж покорять, то покорять навеки. А это значит, что необходимо изготовить из курицы что-то невероятное... неординарное что-то.

Приключилась вся эта история с десятков лет назад, и ноутбуков с интернетом у всех подряд тогда еще не было. Как не было в моем нехитром хозяйстве и кулинарных книг. И я решила действовать по вдохновению. Спонтанность – мое кулинарное кредо. А кроме того, этот куриный монстр все равно не влез бы ни в одну мою кастрюлю. Его неизбежно бы пришлось расчленять.

Да, птичка, к слову, досталась мне крупная, как индюк. Должно быть, в краях, где родился Володя, особенно свежий воздух и хорошее зерно. Ну или куры генно-модифицированные.

Нет, ну для начала я, конечно, попыталась все сделать совершенно по-честному. Я решила, что поджарить курицу кусочками, обваляв их в специях, было бы неплохим вариантом. По крайней мере, я наблюдала однажды приготовление такого блюда в исполнении одной из своих тетюшек, и мне показалось, что сложностей в этом деле никаких не должно возникнуть. Может, это и не шедевр, но по крайней мере и не вареная курица. Поэтому я решительно уложила птичку на разделочную доску ногами кверху и с размаху вонзила в нее нож.

То есть я собиралась вонзить в нее нож. Прежде всего, ножи у меня все, как на подбор, тупые. Острых не держу принципиально, поскольку режу ими в основном свои пальцы, а собственные конечности мне все-таки дороги. Так вот, нож был тупой, а птичка, как сказано, полумороженая. Должна вам сказать, полумороженая курица – создание чрезвычайно верткое. И скользкое. В общем, не надо пытаться вонзать в нее относительно острых предметов с размаху. Нож, скользнув по боку курицы и пропорыв в нем безобразную рану, воткнулся в разделочную доску, а бывшее пернатое ловко ускользнуло и выстрелило куда-то в сторону. Сдавленный мяв немедленно подсказал, что выстрел имел успех.

Кстати, вот на меткость я никогда не жаловалась. Если, к примеру, я открываю шампанское, то с любого расстояния и даже рикошетом обязательно попаду пробкой вам в глаз, можете даже не сомневаться.

В данный момент мишеней в комнате было не так уж много – я да коммунальный кот Паша, который, будучи выдворен мной со стола, невозмутимо расположился отдыхать в освещенном солнцем из окна прямоугольнике на полу. Володя сообщил мне, кстати, что кот Паша, кажется, умеет проходить сквозь стены. Во всяком случае, обнаружить его в запертой комнате можно в любой момент. Равно как в запертом шкафу или незапертой, но твоей личной кровати.

Разумеется, курица прилетела непосредственно на Пашу. Возмущенный кот не сразу осознал ценность даров природы, сыплющихся на него с небес. Он издал негодующе-булькающий звук и усвистел, распушив толстый хвост, куда-то под кровать, однако уже через секунду с наименьшей скоростью вылетел оттуда, метнулся к курице и сомкнул зубы на ее сочном полумороженном боку. Просто Паша еще не знал, насколько дорога мне эта курица. В конце концов, от нее, возможно, зависело мое личное счастье. И бороться за него я готовилась до конца. А потому, подскочив к курице с другой стороны, я схватилась за ее ногу и решительно потянула к себе. Кот издал сдавленный звук и рванул в другую сторону. Послышался негромкий чпок и на какую-то секунду мне показалось, что в моей руке сейчас останется одинокая кури-

ная нога. К счастью, кот Паша, несмотря на вселяющие уважение размеры и сверхъестественную наглость, был все-таки всего лишь котом. А потому в зубах у него остался внушительный кусок оторвавшейся куриной шкуры. Плотно сжав челюсти, Паша, решивший, очевидно, что от добра добра не ищут, ускакал со своей добычей под кровать. А мне, победительнице в этой неравной схватке, осталась основная часть предмета спора – птичка, выглядевшая теперь так, будто ее взрывали осколочной миной.

Осмотрев свой трофей, я пришла к закономерному выводу, что вот теперь-то простые рецепты вроде «положить курицу в кастрюлю и сварить» отменяются совершенно точно. Потому что объяснить две рваные раны в боках монстра, не описывая деталей схватки с котом и не вдаваясь при этом в чрезмерные подробности своих кулинарных умений, не представлялось никакой возможности. Поэтому я, воровато оглядываясь, сбегала на кухню помыть проклятую птичку и вернулась, полная решимости и воли к победе. Я не могла признать поражение от какой-то курицы, пусть даже таких размеров, а потому вновь водрузила монстра на разделочную доску, вооружившись ножом и терпением.

...Спустя примерно полчаса я почти готова была признать себя побежденной. Мне удалось отпилить от монстра конечности, попутно ободрав кое-где еще клочья шкуры, но вот что делать с массивной грудной клеткой и как должно выглядеть дальнейшее расчленение, я решительно не представляла себе. Теперь у меня был набор птичьих конечностей и отдельная курица-инвалид.

В конце концов я пришла к выводу, что нужно решать проблемы по мере их поступления. Если на то пошло, больше чем пара ног и рук... то есть крыльев на одну сковородку все равно за один раз наверняка не влезет. А значит, можно потихоньку начинать экспериментировать. Следующий этап – обвалить все в специях.

Вот тут я осознала страшное. Специй-то в моем хозяйстве как раз и не водилось. Никаких. Более того – какие именно нужны специи, я тоже представляла себе довольно смутно.

В глубокой задумчивости, на ходу вытирая скользкие руки о домашнюю юбку, я вышла из комнаты и постояла немного в коридоре, размышляя. И в конце концов решительно постучалась в соседнюю дверь. Распахнулась она так стремительно, что я едва успела отскочить, чтобы не получить ею в лоб.

– Уже готово? – Володя смотрел на меня с такой надеждой, что мне захотелось немедленно скормить ему хоть что-нибудь. Или хотя бы просто погладить его по голове. Но я стиснула зубы и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы сдерживать несвоевременные порывы.

– Нет, – важно и строго ответила я. – Ты же не думаешь, что мясо готовится так быстро? Это, между прочим, тонкий процесс...

– Ну да, ну да, – поспешно, чтобы скрыть разочарование, закивал головой мой визави. – Конечно!

– А зашла я к тебе по делу. У меня, оказывается... хм... кое-что из специй рассыпалось при переезде. Вообще там сейчас ничего не найдешь, сам понимаешь, все запаковано... в общем, я хотела спросить, у тебя случайно никаких специй нет?

– Конечно! – к моему удивлению, снова радостно ответил Володя. Я-то шла к нему от безысходности, хорошо понимая, что у человека, который не в состоянии сварить самостоятельно макароны, таким изыскам взяться неоткуда. – Ромка когда уезжал, он оставил что-то... я туда не залезаю, там же все равно так сразу съесть нечего...

В итоге Володя гордо продемонстрировал мне коробку из-под лапши, в которой притулились несколько пакетиков. И перебирая их, я начала потихоньку впадать в отчаяние. Лавровый лист, красный перец, гвоздика, ванилин... пожалуй, я могла бы приготовить нечто чрезвычайно экстравагантное. Экзотическое, даже пикантное, я бы сказала. И очень, очень спонтанное. Даже интересно, что готовил с таким набором неведомый Ромка?

– Ну как? Это подойдет? – Володя смотрел с надеждой, обмануть которую я попросту не могла.

– Я что-нибудь придумаю, – мужественно соврала я в итоге и решительно забрала всю коробку.

Думала я долго. И решалась. Потому что вот когда я разложила вокруг куриных частей тела ванилин и лавровый лист, мне стало окончательно ясно, что дело плохо. Попробовала прилепить к куриному боку листик лаврушки, полюбовалась на икебану.

Нет, спасти меня, пожалуй, сможет только чудо.

В сущности, по чудесам-то как раз я, можно сказать, специалист. И именно добывание самых неожиданных предметов – мой прямой профиль. Точнее... одна из его сторон. Хотя тут, пожалуй, стоит объяснить поподробнее.

Вообще-то мы, Ягелевы, – не совсем ведьмы. Или, точнее даже, не ведьмы вовсе. Мы – Привратницы и Проводницы. Открывающие Врата. Мы стережем Врата между мирами – миром живых и миром... других. Разных. Миром-за-Гранью.

Здесь, в подлунном мире, чудеса случаются, но их почти никто не видит. Есть те немногие, что верят и способны видеть. Есть Творцы – те, кто, не зная того, чудеса создают. А есть такие, как я, – принадлежащие обоим мирам одновременно.

Ни одна ведьма из этого мира не попадет на шабаш, где веселятся нечисть и старые боги, не пройдя через Врата. А открываем их мы – Привратники. В разных краях – разные Привратники. На славянской земле – это мы, род Ягелевых, в котором рождаются только девочки с рыжими волосами. Семь Врат, укрытых в лесах и горах, стерегут женщины нашего рода. Хранительницами Врат всегда становятся старшие в роду – обычно те, что стоят уже на пороге третьей смерти.

То есть... это раньше было семь. Теперь меньше. Вот поэтому наш род не должен прерываться – когда Привратница в последний, третий раз умирает, не оставив наследницы, ее Врата закрываются. И с каждым закрытыми Вратами этот мир становится беднее – из него уходят волшебство и чудеса.

Впрочем, люди обыкновенно не вдаются в такие тонкости. Умеешь что-то большее, чем борщ варить, – значит, ведьма. Мы, Ягелевы, кое-что умеем. Словом, в общем представлении – можно сказать и ведьмы. Хотя на самом деле ведьмы – совсем отдельный народ.

Одна из сторон нашего дара заключается в умении открывать врата в пространстве. Даже Привратница, у которой собственных Врат еще нет, такая, как я, может открывать малые врата – в пределах одного мира, зато в любую его точку. Ну, скажем, я могу взять в руку какой угодно предмет, находящийся в произвольном месте на планете – если я, конечно, хотя бы примерно представляю, где именно нужный предмет находится. Для этого мне нужно только слегка скосить особым образом глаза, чтобы увидеть границы предмета в пространстве, и немного сдвинуть их в нужную сторону. Правда, у таких малых врат есть ограничение – закон равновесия. Чтобы что-то взять, нужно что-то отдать. Просто поменять местами – например, взять кусок коряги у обочины и поменять его местами с забытой дома собственной сумкой (правда, из дома потом придется выбрасывать корягу). А человека можно заменить только другим человеком. Иногда ведьмы договариваются между собой и так, через Привратниц, путешествуют по обмену.

Наверное, могло бы показаться, что с такими умениями можно жить вообще без денег. Или даже стать неуловимой грабительницей века. Рррраз – и все деньги в банке превратились в кучу сухих листьев, а я сделалась сказочно богата. Ну или продукты хотя бы из супермаркета тырить и заменять пустыми обертками. Но на самом деле это неправда. Вот, например, вы помните точное расположение всех продуктов на полке в ближайшем супермаркете? Могу поспорить, что нет. А кроме того, существует закон воздаяния. Нельзя использовать свой дар во зло, ну и еще – за все приходится платить. Всегда. И если я возьму с помощью своего

дара что-то без особой нужды, исключительно для личной выгоды, и не расплачусь сейчас и деньгами... Во-первых, недостачу вычтут, например, из зарплаты продавщицы, которая, может быть, с трудом платит за лечение больной мамы. И это будет во зло. А использовать дар во зло нельзя – если не хочешь его лишиться или получить отдачу. А во-вторых – платить мне все равно придется... только неизвестно, какой будет плата. И она почти наверняка мне не понравится. Так работает мой дар – да, впрочем, и любой другой.

Случаются, конечно, минутки лени. Иногда я, вместо того чтобы идти в магазин, извлекаю с точно выученной уже полки стакан сметаны или пачку пельменей, сунув взамен что-то ненужное. Но потом я все равно захожу в тот же магазин и «случайно» оставляю деньги где-нибудь на прилавке.

В общем, сейчас я видела для себя только один выход. У меня в руках была сырая курица. И я понимала, что наверняка смогу заменить ее на курицу приготовленную... и, между прочим, даже практически равноценный обмен выйдет... ну, почти. Мне, кстати, и курица поменьше вполне подойдет – ну мало ли, скажу, ужарилась. Лишь бы не сырая. В каком-нибудь ресторане – никто ведь и не заметит, там тех кур десятками жарят. Так, по крайней мере, я рассуждала, вдобавок оправдывая себя тем, что курица нужна мне не для личного пользования, а для питания оголодавших студентов. И у меня есть острая необходимость! В общем, нужно только иметь какое-то представление о том, где в данный момент находится ближайшая жареная курица. Мда, всего-навсего.

Я лихорадочно припоминала все рестораны и кафе, в которых когда-либо была и хотя бы примерно представляла, откуда в них приносят еду. Проблема была в том, что нужно было еще и более-менее точно знать, где в этих ресторанах кухни, а желательнее – еще и примерное расположение столов в ней. Ну то есть если я стану шарить по ресторанной кухне наугад, вслепую и не имея конкретной цели в заранее определенной точке, я, конечно, сгрэбу оттуда в первую очередь то, что хоть как-то соответствует моему, хм, предмету для обмена. То есть теоретически – курицу. Но на данный момент моя курица по очертаниям меньше всего походила именно на курицу. Вариантов я все равно не видела для себя, а потому решила на этот шаг отчаяния.

Первым припомнился ресторан русской кухни в центре города, и я решила, что это то, что надо. Наверняка там готовят из курицы... что-нибудь эдакое. Русское. Я сосредоточилась на идее жареной курицы, скосила глаза, протянула руку к своей птичке... И тут же эту руку отдернула.

Передо мной на большом, расписанном под хохлому блюде возлежала утка. Обложенная яблоками. В перьях.

Вообще я слышала, что обтянуть готовую птичку заново перьями – высший пилотаж, и когда-то поваров, способных на такое изуверство, особо ценили в богатых домах... Но, во-первых, мне, вероятно, недостает аристократизма – я считаю утку в перьях решительно неаппетитной. А во-вторых, может, конечно, я и смогу объяснить Володе превращение картошки в яблоки, но вот трансформация курицы в утку и ее волшебное обрастание перьями – это как-то за гранью добра и зла.

Надо возвращать курицу, догадалась я. Скосила глаза, потянулась к птичке... и извлекла небольшую кастрюльку. Инспекционная проверка показала, что в кастрюле была окрошка. С колбасой! И без малейших признаков курицы.

Еще две попытки поочередно дали груды вареников с вишней и стопку блинов.

Я впала в отчаяние. И решила – леший с ней, с той курицей. Попробую в другом ресторане.

На сей раз вспомнилась почему-то японская кафешка, куда новоиспеченные сокурсницы три года назад таскали меня отмечать поступление в универ.

Блины предсказуемо сменились красиво разложенными на квадратной тарелке роллами. Я начала звереть.

Припомнила еще парочку заведений общепита, и на моем столе последовательно появились: кастрюля солянки, горка шампуров с шашлыком, металлический судок с салатом оливье и нечто неопределимое с глазами – кажется, какие-то морские гады.

Наконец мне в голову пришла блистательная идея. Неподалеку от моего универа, возле автобусной остановки, располагался ларек с курами гриль. Я ни разу не покупала в нем ничего, оттого и не вспомнила о нем сразу, но каждый раз, проходя мимо, водила носом заинтересованно.

Такой великий кулинар, как Володя, наверняка не заподозрит, что приготовить курицу гриль самостоятельно в условиях коммуналки я не смогла бы. И, радостно скосив глаза, я потянулась к ларьку, запихивая морских гадов куда-то туда, в неизвестность.

Передо мной лежала курица. Несомненно, это была именно курица. Не утка, не осьминог, даже не кастрюля с солянкой. Просто курица. Сырая.

Я осатанела. И стала просто беспорядочно тянуться по очереди ко всем кафешкам и ресторанам подряд, уже почти ни на что не рассчитывая и просто отчаянно надеясь на чудо.

Вера в чудо иссякла, когда после неизвестно которой по счету попытки вместо очередного неопределимого блюда передо мной снова оказалась огромная курица.

Сырая.

Безногая.

Несомненно, моя.

Захотелось разрыдаться, орошая свой несостоявшийся кулинарный шедевр горькими слезами. Остановила мысль о том, что процент соли в слезах мне неизвестен, а значит, всегда есть вероятность пересолить.

Кстати, надо бы посолить курицу, пожалуй.

Я решительно взяла сковородку и налила в нее немного растительного масла. Вроде бы надо сначала разогреть... но нести на кухню по отдельности сковородку и курицу мне рук не хватит. Да и какая разница? Рассудив так, я плюхнула в масло обе куриные ноги, которые до сих пор сиротливо лежали на разделочной доске. Оказалось, что крылья на ту же сковородку уже не взлезут. Похоже, при жизни эта курица была бодибилдером. Ну и черт с ними, решила я. В конце концов, одной такой ногой наверняка можно накормить даже самого голодного студента.

Подумав, я посыпала куриные конечности сверху солью и красным перцем. Ванилин решила пока все же не добавлять, оставив его на крайний случай. Водрузила сверху на сковородку крышку и торжественно потащила все это в кухню. Будь что будет, решила я.

То есть я собралась тащить все это в кухню, но выйти из комнаты не успела, потому что как раз в этот момент услышала стук и почти сразу дверь приоткрылась, являя полную предвкушения физиономию Володи.

– Уже скоро! – рявкнула я, поспешно убирая руку со сковородкой за спину.

– Я так и понял! – закивал Володя, явно не замечая моего настроения. – По коридору такие запахи, очуметь!

– Ага, – я несколько растерянно пожала плечами и неопределенно кивнула. – Потерпи еще. Я постучу.

Сосед расплылся в улыбке и скрылся.

С некоторой опаской, держа сковородку одной рукой, я последовала за ним, выглянула в коридор, и только удостоверившись, что дверь в его комнату закрылась, вышла.

По коридору и впрямь плыл ни с чем несравнимый аромат жарящейся курицы.

Было практически очевидно: это голодная галлюцинация. Массовая. А чем еще это могло бы быть?

На кухне царила та самая тетенька в цветастом халате, что с утра особенно усердно костерила «поджигателя» Володю. Сейчас она стояла у раковины и мыла какие-то миски. А на плите... на плите жарилась курица.

То есть, что это именно курица, я заключила по запаху, поскольку в данный момент сковорода была закрыта крышкой.

– Здравствуйте! – проявила я вежливость, поставила свою сковороду на свободную конфорку и зажгла огонь.

– И тебе не болей, – зыркнула на меня новая соседка. После этого она выключила воду, сгребла свои миски в руки и молча направилась в коридор. У выхода из кухни все-таки обернулась.

– Учти, – сурово сообщила она, – у меня все помечено! Скока масла, скока соли. И гель для посуды! Возьмешь – всееее увижу!

Я нервно сглотнула и кивнула. Не то чтобы мне приходило в голову пользоваться ее гелем для мытья посуды. Но оправдываться в данном случае было бы бесполезно. Эта женщина определенно знала, что говорит, и заранее подозревала всех и вся вокруг.

Я даже расстраиваться не стала. Потому что, если уж такая вредная тетка в состоянии пожарить несчастную курицу, то неужели не справлюсь я?

Несколько минут я просто стояла над своей сковородкой, наслаждаясь звуками приглушенного шкворчания. Потом решила все-таки заглянуть под крышку. И сразу догадалась, что делаю что-то не так. Потому что моя курица (сырая, между прочим!) определенно горела. Заглянув под сковородку, я удостоверилась, в чем именно моя ошибка. Огонь был полный. А под соседней сковородкой, наоборот, – слабый. Поспешно повернув ручку газового вентиля до минимума, я собралась экстренно переворачивать окорочка. Правда, тут обнаружилось, что вилки-то для этой цели я не прихватила, и пришлось хвататься за куриные ноги собственными руками.

Кстати, обнаружилось, что сверху они, ноги, вовсе даже не горячие. Но перевернуть я их все равно не могу. Потому что они прилипли! Они влипли в сковородку намертво и безнадежно, и все мои потуги их отодрать привели лишь к тому, что на сковороде остались оторванные клочья горелой шкуры, а у меня в руках оказались все такие же сырые куриные ноги. Только выглядели они теперь так, как будто их уже ели.

Представился почему-то Володя, с озверелым видом рвущий зубами сырую курицу. И порывающийся.

И именно в этот момент Володя появился на пороге кухни.

Я поспешно заслонила плиту своей не столь уж широкой спиной, одновременно швыряя на сковородку злополучные окорочка, и с грохотом опустила крышку.

– Ну теперь-то наверняка готово? – с надеждой спросил несчастный медик и повел носом. – Мне кажется, даже немного пригорает. Пора снимать с огня и наслаждаться! – радостно заключил он.

– Н-нет-нет, еще не...

– Ну как же! – Перебил Володя и решительно шагнул ко мне. – Я же чувствую, что горит! – с этими словами он протянул руку и сдернул со сковородки крышку.

Я наблюдала это его движение, как в замедленной съемке, и остро осознавала, что сейчас наступит минута моего вечного позора. И в каком-то отчаянии я в последнюю секунду скосила глаза и поспешно отвернулась. Я сделала ужасное, но что же мне оставалось? Я поменяла местами содержимое двух сковородок.

– Ооооо! – восторженно протянул Володя, водя носом над сковородой. – Да ты же просто волшебница!

– Да, – я сглотнула. – Да.

Ужинать решили в володиной комнате – там, в отличие от моей, было где сесть вдвоем, да и коробки под ногами не стояли. Правда, оказалось, что в его комнате под ногами валяется множество самых неожиданных предметов, включая грязные тарелки, книги, обрывки бумаг и какие-то провода. Впрочем, хозяин лавировал среди всего этого безобразия так, будто вовсе

не замечал его, и гордо нес перед собой на вытянутой руке сковородку с обернутой полотенцем ручкой.

Я шла следом, как на эшафот, и что-то бляла про то, что гарнир еще не готов, смутно надеясь, что несколько минут отсрочки дадут мне призрачный шанс все исправить. Однако Володю идея гарнира не волновала вовсе, он только отшучивался от моих вялых попыток задержать его.

Сметя рукой со стола кипу тетрадей, он водрузил сковородку на их место и открыл крышку.

На сковороде лежали куриные ножки. Восхитительно поджаристые, ароматные, золотистые. Четыре штуки.

Кажется, оголодавшие медики не слишком дружат с математикой и зоологией. Во всяком случае, моего конкретного медика вовсе не взволновало число куриных конечностей. Он радостно расставлял тарелки и стулья, а потом без церемоний уселся и молча вцепился в ближайший поджаристый окорочок.

И я мысленно махнула рукой. Все равно ведь уже ничего не исправить. Зато вон как счастлив мой будущий муж! И я тоже положила себе окорочок на тарелку.

Какое-то время мы молча сосредоточенно ели. И нам было удивительно хорошо. И я понимала, что вот так и будут проходить наши тихие семейные вечера, в таком... взаимопонимании! И можно поразмыслить пока, где мы проведем медовый месяц.

А потом дверь с грохотом распахнулась и в дверном проеме воздвиглась та самая соседка в цветастом халате...

*

– А потом что? – хмыкнула Жюли.

– Что-что, – буркнула я. – Потом тетя Таня бегала за нами по коммуналке, размахивая чугунной сковородкой. И самое обидное, что Володя в итоге меня больше, чем ее, боялся! Нет, я ему пыталась все объяснить... но... вы ж понимаете – отношения были разрушены в самом начале. Я даже пробовала про себя рассказывать! Он решил, что я не только клеptomанка, но и сумасшедшая к тому же. В общем, я в той коммуналке только с котом Пашей потом дружила. И с тетей Таней.

– С этой... *l'affreuse femme*²?! – поперхнулась моя подруга-француженка.

– Да она вообще-то мировая тетка потом оказалась, только громогласная и материлась много. Вот, понимаете, – не умела бы я ничего такого, может... может, сразу бы у нее спросила, как эту проклятущую курицу готовить. Хотя нет, сразу я ее боялась. Но все равно! Понимаете, все равно! Что-нибудь да придумала бы. А так... только испортила все.

Насупившись, я отхлебнула кофе.

– А вообще-то, – решительно заявила Жюли, – ерунду ты какую-то городишь. Ну дурацкая ситуация, да. Ну испугался этот *le con*³, бывает. Ну и что теперь? Это что, повод...

– Да ведь не одна такая история была, – уныло возразила я. – Ты понимаешь, они все трусят. И это он еще не знал, кто я такая. То есть не поверил. А если верят... если верят, все еще хуже.

– Да ладно, – фыркнула Арису, – на все есть любители. В том числе любители... странностей.

– Да вообще же есть эти все... – Жюли поправила сиреневую прядь и неопределенно покрутила в воздухе руками, – сатанисты там разные и вот эти вот неоязычники. Те так только обрадовались бы, наверное, если сказать, что нечисть.

– Угу, – я кивнула. – Есть. Те еще больше трусят.

² *l'affreuse femme* (фр.) – жуткая женщина.

³ *le con* (фр.) – придурок, идиот.

Арису продолжала что-то доказывать, правда, я подругу уже не слышала. Потому что за соседним столиком усаживались двое, и один из них не был мне незнаком. Если сейчас этот вот чернявый обернется...

– Юлинькаааа, – протянула я, прерывая вдохновенную душеспасительную речь Арису. Подруга только фыркнула. – Подвинься-ка вот так, а? И ты, Алис...

Аккуратно спрятавшись за спинами подруг, я пригнула голову в надежде, что, случайно обернувшись, мой знакомец все-таки меня не заметит.

– Ладно, – я вздохнула, практически уткнувшись носом в чашку с кофе – уже новую. И когда это она передо мной оказалась? Опять Арису по-своему распорядилась, не иначе.

– Ладно, – повторила я. – Любители странного, говоришь? Расскажу я вам про любителей странного. Исключений из правил, увы, не бывает...

История вторая, кладбищенская. Очень страшная

Исключений из правил, увы, не бывает. И ведьм совершенно точно боятся все. Я-то это точно уж знаю.

Сколько я сменила в своей жизни съемных квартир – так и не сосчитать, пожалуй. И так сложилось, что одна из них располагалась в доме на окраине города – прямо над кладбищем.

А что? Экологичненько, между прочим, вид из окна на реку, деревья, могилки, воздух опять же свежий, чистый, благодать, одним словом. Вот из-за этого самого вида из окна цена совершенно отдельной замечательной квартиры была ниже раза в три, чем за любое другое жилье по городу. А мне могилки под окном совсем не мешают, я-то знаю, что уж если бояться кого – так живых надо.

Словом, квартирка меня совершенно всем устраивала. Опять же и погулять есть где в тишине и спокойствии.

Собственно, в тот раз я и направлялась погулять вечерком. Хотелось посидеть немного у реки, посмотреть на воду – такое было настроение. Городская набережная заканчивалась задолго до моего дома. Зато совсем неподалеку от него был очень удобный спуск к воде и замечательная лужайка на берегу. Правда, дорога к спуску шла через кладбище, ну да меня, как сказано, это мало смущало. Вечером там было совершенно тихо и пустынно, так что встретить кого бы то ни было я вовсе не ожидала.

Тем более – встретить кого-нибудь настолько... особенного.

Сначала, заметив юношу, сидевшего на старой могиле и картинно вздыхавшего, я решила, что это кто-то, хм... из наших. Из тех, кто ходит через Врата и принадлежит двум мирам. Уж очень был у него необычный вид. Однако присмотревшись повнимательнее, я поняла, что это просто представитель какой-то из субкультур – то ли гот, то ли сатанист... кто их там разберет.

Словом, выглядел юноша до крайности занятно. Одет он был во все черное, худ и бледен до чрезвычайности, а иссиня-черные, явно крашенные волосы лежали в таком беспорядке, что даже мое воронье гнездо на голове могло бы позавидовать. Глаза его были густо подведены черным же карандашом, что придавало лицу некую театральную трагичность. На шее у него болталась масса побрякушек, сплошь на вид серебряных – я заметила перевернутую пентаграмму в круге, египетский анх и пару каких-то иероглифов.

А еще паренек, сидевший на могильном камне, заметно дрожал, и я резонно предположила, что ему попросту холодно. Здесь, над рекой, ветер по вечерам бывал прохладным порой даже летом, а сейчас стояла только середина весны. Между тем короткая кожаная куртка на молодом человеке была распахнута, а под ней виднелась тонкая футболка.

– Эй, – окликнула я его. Парень крупно вздрогнул и поднял на меня глаза. Впрочем, осмотрев меня с ног до головы, он как-то хмыкнул про себя, как будто успокоился и потерял ко мне всякий интерес. – Вы замерзли?

– Н-нет, – хрипло ответил парень и вопреки своему заявлению поежился, плотнее запахивая куртку. – Вам лучше уйти.

– Почему? – удивилась я.

– Ну... – юноша покрутил рукой в воздухе, потом оглянулся вокруг. – Вечереет... а сегодня пятница, тринадцатое. И вот... кладбище же! Сегодня что угодно может случиться.

– Да? – я изумилась еще больше и подумала, что, пожалуй, прогулку к реке можно пока немного отложить. Меня всегда забавляли человеческие суеверия, связанные со сверхъестественным и с созданиями, подобными мне. – А вас самого это не смущает?

– Нет! – он гордо поднял голову и с невыразимым пафосом сообщил: – Я готов к встрече с неведомым! Я жду его!

Ой-ой, подумала я. Кажется, здесь будет интересно.

– А хочешь, я составлю тебе компанию? – обращаться на «вы» к парню, с трепетом ждущему неведомого, показалось не слишком уместным. Впрочем, он, кажется, и не заметил моей фамильярности. Не дожидаясь приглашения, я присела на соседний могильный камень.

– Зачем? – растерялся парень.

– Ну, знаешь... Вдвоем с неведомым всяко веселее встречаться. Я, кстати, Славка. Ярославла.

– Вася, – поморгав, ответил молодой человек. – Вообще-то я тут один должен быть... а тебе что, совсем не страшно?

– Ну, с таким-то защитником... – я пожалала плечами. – А зачем ты тут должен быть один?

– Посвящение у меня, – буркнул он. – Если узнают, что я в компании был, могут вообще не засчитать. Вдруг еще духи испугаются и не придут?

Ага, подумала я. Духи.

– Ну откуда же они узнают? – мягко спросила я.

– У них... свои методы, – туманно пояснил юноша.

Впрочем, судя по всему, парень испытывал и некоторое облегчение оттого, что ему не придется встречать загадочное «неведомое» в одиночестве.

Как я узнала в течение следующего полчаса, Вася с детства увлекался эзотерикой, а также телесериалами про сверхъестественное и всяческих охотников за призраками. Ему нравилось одеваться во все черное, вычерчивать загадочные знаки и пугать окружающих, бормоча себе под нос нечто зловещее на ломаной латыни. Разумеется, со временем он нашел и единомышленников. Тайное общество «Некрономикон» занималось именно тем, что всегда так манило Васю – контактами с загадочным неведомым и вызовом духов.

– Вот Катька – она настоящая ведьма, – горячо рассказывал он. – По ней сразу видно. От нее, ну, знаешь... сила идет. Такие, как я, это чувствуют. Очень мощная аура. Как зыркнет глазищами – так все.

– Красивая? Катька-то? – любопытствовала я.

Несмотря на сгущающиеся сумерки, было заметно, что Вася покраснел.

– Еще бы... ведьма же! Ведьмы все красивые.

Я вздохнула про себя. Мало ты ведьм знаешь, дружок. Меня бы точно уж красавицей не назвал.

Ночь, проведенная на кладбище в пятницу, тринадцатого, была обязательным условием некоего посвящения, после которого Вася будет считаться то ли магом высшей категории, то ли еще каким крутым масоном.

– Ты, главное, не пугайся, если что, – покровительственно говорил он мне, практически перестав даже дрожать и расправив тощие плечи. – Ну, понимаешь, всякое может случиться...

– Ну, пока я ничего странного не наблюдаю.

– Ничего удивительного, – снисходительно сообщил Вася. – Ты же не чувствуешь вибраций тонкого мира... На самом деле духи этого места уже собрались вокруг... – он понизил голос до зловещего шепота. – Они здесь!

Ого, подумала я. И ведь каких только не бывает тараканов в головах у людей.

– Но со мной тебе все равно нечего бояться, – заключил Вася уже нормальным голосом и сжал в руке какую-то из побрякушек, висевших на его шее. – У меня второй уровень посвящения, почти третий. Я наверняка сумею подчинить их.

...А с другой стороны, может быть, это моя судьба? Василий, по крайней мере, уже верит в сверхъестественное, так что его ни в чем не придется долго убеждать. И не боится «неведомо-

мого» – вон, даже жаждет с ним встретиться. Ну так вот она я. Со мной очень даже можно встречаться. Да что там – на мне даже можно жениться! Более того – нужно.

Приняв для себя решение, я как-то внутренне успокоилась и собралась.

– А я – Баба Яга, – сообщила как бы между прочим.

– Чего?

– Ну сказки-то помнишь? Там, знаешь, мол, покатаюся, поваляюся, ивашкиного мяса поевши...

– Ясно, – Вася насупился, оскорбленный в лучших чувствах. – Имей в виду, жители тонкого мира не любят, когда над ними прикальваются. Ты можешь в них не верить...

– Да что за глупости! Я как раз очень даже верю, – отмахнулась я. – Я даже не верю, а знаю. Это ты в меня не хочешь верить...

Взглянув на своего собеседника, я решила резко сменить тему. Пожалуй, все-таки проще будет показать, чем долго рассказывать.

– Замерз все-таки?

Вася повел плечами.

– Немножко, – буркнул, почти не разжимая губ. Я внутренне усмехнулась. И тут же накинула ему на плечи теплый плед, а следом протянула чашку с горячим чаем, исходящим ароматным паром.

– Как ты это сделала? – Вася выпучил глаза. – Ты что, фокусница? У тебя термос с собой, да? – он обвел меня взглядом, ища, куда я могла запрятать свой гипотетический термос.

– Тьфу ты! Не фокусница. Обыкновенная Баба Яга. Вот, смотри.

Решив, что такая демонстрация будет более убедительной, я снова скосила глаза и очутилась на месте парня, а он, в свою очередь, оказался на моем.

Вася вскочил с плиты, выпучив глаза и приоткрыв рот. Чашка выпала из его рук, расплескивая горячий чай на брюки, однако парень этого, похоже, даже не заметил.

– Ну или вот, – не обращая внимание на его состояние, я повела рукой вокруг. Ближайшее надгробие – то самое, на котором только что сидел Василий – превратилось в диванную подушку. Оранжевую в цветочек, с плюшевой обивкой. Ой, леший, да это ж не моя подушка, меньше надо было торопиться... кому-то сейчас было очень... неожиданно. Надеюсь, на том диване все-таки никто не лежал. Я быстренько вернула могильную плиту на место. В конце концов, я вовсе не собиралась заниматься вандализмом, просто надо было убедить этого недоверчивого.

– Тыыы... – как-то пискнул Вася, отшатываясь от меня. Губы его заметно дрожали.

– Ну я же сказала – обыкновенная Баба Яга.

– Иииив-вашкиного мяаяяса?.. – совсем уж тоненько выдавил из себя парень, глядя на меня побелевшими от ужаса глазами и птясь.

– Ой, ну ты же понимаешь, что это все домыслы переписчиков. На самом деле я человеческой никогда не питалась. И никто в моем роду не питался.

Вася перебрал трясущимися руками свои побрякушки, затем сжал их все в кулаке и выставил перед собой, насколько позволяла длина цепочек и веревочек.

– П-повелеваю тебе силой своего ордена... – запинаясь, заунывно начал он. – Абланата-набла, бланатаналб, ланатанал... ээээзорцизо тееее, иммундисиме спиритус, омнис...

Я пожалала плечами. Парень замолчал, зажмурился, выпустил из руки цацки и размашисто перекрестился.

– Ссгинь, нечистая! – незамысловато выкрикнул он наконец.

– Чего это я нечистая? – оскорбилась я. – Я сегодня душ с утра принимала, между прочим.

Похоже, информация о том, что нечисть принимает душ, стала для несчастного последней каплей.

– Иииииии! – вовсе уже невразумительно замычал Вася, а затем резко развернулся и кинулся прочь со всех ног. Кажется, пару раз он спотыкался о могильные плиты и падал, но это не могло его остановить.

«Эх, – вздохнула я про себя, – а ведь так все хорошо начиналось...».

*

– Да что ты все время пригибаешься! – не выдержала наконец Арису. – От кого ты прячешься?

– Брюнет. Прямо за твоей спиной, – сообщила я. – Да не оглядывайтесь вы!

Вопреки моим увещаниям, разумеется, обе мои подружки синхронно обернулись и уставились на черноволосого молодого мужчину за соседним столиком. К счастью, тот был слишком занят напряженным, судя по всему, разговором со своим соседом по столу – квадратных очертаний лысеющим дядькой, недовольно жевавшим губами и усердно прикладывавшимся к стакану с коньяком.

– Симпатичный, – резюмировала Жюли, снова поворачиваясь ко мне. – Ты его знаешь?

– Еще как, – вздохнула я. – Лучше бы не знала.

– Кто-то из твоих бывших? – предположила Арису.

– Хуже, – я ковырнула вилкой салат, который, оказывается, стоял передо мной уже некоторое время, и мрачно скривилась. – Бывший препод. Он сегодня из-за меня в аварию попал. Я под колеса выскочила. А еще раньше... в общем, прежнее наше знакомство тоже получилось так себе. Он теперь, наверное, вообще думает, что я – его злой рок. Или что пытаюсь его убить.

Подруги дружно заинтригованно уставились на меня, однако в этот момент нас самым наглым образом прервали. Компания из четверых весьма нетрезвых мужчин, сидевших в дальнем углу зала, давно заинтересованно поглядывала на нас, и вот теперь один из них решился наконец подойти.

– Привет, девчонки, – развязно объявил он и облокотился о стул Жюли. – А я смотрю – вы тут скучаете. Я к вам присоединюсь, вы ж не против?

Его рука переместилась на обнаженное плечо Жюли и принялась его недвусмысленно поглаживать.

– Да нет, merdeux⁴, мы как раз очень даже против, – процедила моя французская подружка, пытаясь скинуть руку непрошеного гостя.

– Да ладно тебе, – еще более развязно и весело оборвал ее мужчина и с грохотом водрузил рядом стул, который до сих пор держал под мышкой. – Ну че ты стесняешься?

Он собирался еще что-то сказать, но тут вмешалась Арису.

– Посмотри на меня, – негромко сказала она, и тот немедленно подчинился. – Сейчас ты встанешь и выйдешь из кафе. Отправишься домой. И больше никогда не будешь в пьяном виде приставать к незнакомым девушкам.

⁴ Merdeux (фр.) – засранец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.